

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Н.М.АМОСОВЕ

Тимур Александрович Золоев

Советский и украинский режиссер, сценарист, актер кино. Заслуженный деятель искусств Украины. "С академиком Николаем Амосовым Тимур Золоев провел несколько недель в его хирургической клинике. В итоге родился фильм "Николай Амосов", который стал классикой научно-популярного кинематографа. Его фильмы привлекали зрителя, уставшего от буффорного социалистического реализма. В них были настоящая сила духа, беспафосный героизм, тонкая наблюдательность. Неудивительно, что они побеждали на крупнейших международных фестивалях, на которые самого Тимура Золоева не посылали, так как он при советской власти был "невъездным". (А. Рожен)

Тимура Александровича и Николая Михайловича связывали многолетние дружеские отношения. Воспоминания публикуются по изданию: Т.А.Золоев. Иллюзия.— Винница.: Глобус-пресс, 2005.

В 1969 году, весной появилась возможность снять фильм о Николае Михайловиче Амосове. Слава его как хирурга, философа, писателя, биокибернетика была в самом расцвете.

Его лекции о здоровье собирали огромные аудитории во всех крупных городах Союза, его статьи в журналах, газетах, его книги сметали с прилавков. В области культуры, науки, философии он был, пожалуй, самым популярным. Идея сделать о нем фильм была не нова. За год с небольшим до описываемых событий был даже написан сценарий полнометражного фильма сценаристом Мишей Вепренским.

Режиссер (называть его фамилию я не хочу — это был хороший профессионал), Миша Вепренский и главный редактор студии Загданский встретились с Амосовым. Не знаю в деталях, что произошло на этой встрече, но в результате Амосов жестко и решительно отказался сниматься.

Режиссер был обескуражен. Загданский был страшно зол и оскорблен, все шишки свалились на Мишу. Сценарий был забракован, Мишу заставили вернуть гонорар, он был опозорен, находился в полном отчаянии. Я уже снял несколько картин, в том числе и "Шахтерский характер", с успехом прошедший на экранах и на телевидении, и Миша Вепренский неоднократно говорил мне о том, как он мечтает, чтобы я снял фильм об Амосове.

К этому времени мы сблизились с Мишей, были в нескольких командировках на фестивалях, встречах. Он нравился мне. Был он чуть старше меня. Славный человек, образованный и хороший сценарист. Во многом наши вкусы совпадали. Он любил, как и я, славно выпить и поесть, поговорить о проблемах, которые нас волновали, особенно о кино. Мы стали друзьями.

Я понимал, как он был огорчен, что фильм об Амосове не состоялся, и не только потому, что преклонялся перед Амосовым и любил его, но и тем обстоятельством, что сценарий его был забракован, а сам он этим был унижен.

Я откровенно сказал ему, что вижу только один путь — нашу с Мишей личную встречу с Амосовым, ибо понимал, что все обходные варианты не годятся.

Я инстинктивно чувствовал, что с Амосовым нельзя лукавить и искать пути выхода на него через кого-то. На что я рассчитывал? Согласившись на встречу, он уже давал нам некий шанс договориться. Миша со мной согласился. Я занимался своими делами. Прошло еще несколько месяцев, вдруг однажды мне позвонил Миша и взволнованно сообщил, что Амосов нас ждет у себя дома в восемь часов вечера.

Это был хороший знак. Дома — значит, неофициально. Очевидно, будет разговор, при котором его ничто не будет отвлекать, то есть атмосфера благоприятная. Миша примчался ко мне. Я сразу попытался его успокоить, а главное — отвлечь от мысли о встрече.

— Слушай меня внимательно, Миша! Вообрази, что мы все решим с Амосовым, но ведь еще есть студия и есть противник этой идеи — Загданский. Стало быть, мы должны решить сначала это с Остахновичем.

— Боже, я об этом не подумал, — простонал Миша.

Я набрал номер телефона Остахновича и попросил нас принять на несколько минут. Борис Петрович сразу понял — случилось что-то необычное и коротко ответил, что ждет нас. Когда мы явились, он первым делом налил нам по рюмке коньяка, и когда я увидел, как одним глотком Миша махнул рюмку, понял, что он на грани нервного срыва. После этого я спокойно все рассказал Борису, как давно мы к этому готовились и вот наконец Амосов назначил нам встречу, и закончил:

— Борис, если Амосов скажет "да", мы можем сразу начать съемки?

Борис почти не раздумывал, хотя и понимал, что в сверстанный план вставить полнометражную картину — ого какая проблема.

— Да, — ответил Борис. — Только вы же мне позвоните о результате разговора.

Мы его заверили, что перезвоним и ушли. До встречи оставался еще час с небольшим. Миша жил рядом с Амосовым, в 50 метрах.

— Тимур, — умоляюще сказал он, — я очень волнуюсь, давай выпьем немножко виски.

Мы выпили по стакану виски со льдом. Я видел, что Миша понемногу успокаивается. Ровно в 20.00 мы позвонили в дверь. Открыла Лидия Васильевна, жена Амосова. С Мишей они были знакомы. Она улыбнулась и сказала, что Амосов звонил, он задерживается, но в 21.00 будет. Вернувшись к Мише, мы допили бутылку виски, и Миша окончательно успокоился.

* * *

В 9 вечера открыл сам Амосов.

— Проходите, — приветливо сказал он, незаметно разглядывая меня.

Мы прошли, стараясь не дышать в его сторону, и у стола в кабинете старались сесть подальше.

Хотите послушать последние записи Галича?

— Да, конечно, — дружно и радостно согласились мы.

— Не откажитесь от виски? — спросил Амосов.

— Нет, конечно, — и быстро сделали по хорошему глотку.

Мы немного расслабились, начался светский разговор, и вдруг, минут через 20, Амосов неожиданно произнес:

— Миша, вы ведь пришли не Галича слушать и не виски пить, поговорим о деле.

— Николай Михайлович, мы хотели бы снять о Вас фильм.

— Зачем? — возразил он. — Мне эта слава не нужна.

Пришлось объясняться.

Очень сжато, стараясь быть кратким, я сказал, что он вызывает всеобщий интерес как хирург и писатель, а его идеи о здоровье и методике его сохранения и развития необычайно популярны, их необходимо донести до широкой аудитории, лучшего средства для достижения этой цели, чем кино, быть не может. Разумеется, если удастся сделать хорошую картину.

— Это хороший аргумент, — сказал он. — Вы правы, кино ведь смотрят миллионы людей. — И вдруг спросил меня: — Ну, а как вы думаете, кино получится?

Я понимал, что от моего ответа многое зависит. Хотелось говорить откровенно, да и виски сделало свое:

— Николай Михайлович, а вы, когда идете на операцию, точно знаете, как она закончится? — с вызовом спросил я.

Николай Михайлович замер. Мой ответ для него был неожиданным. Боковым зрением я увидел, что Миша сейчас рухнет в обморок, и вдруг Амосов громко рассмеялся.

— Да... кажется, я задал не очень умный вопрос, — смеясь, сказал он.

Напряжение спало, я понял, что моя откровенность ему понравилась, да и что еще я мог ответить.

Впрочем, нужно было окончательно все прояснить, и я произнес несколько фраз о том, что мы, преклоняясь перед ним как ученым, хирургом, биокибернетиком, вместе с тем считаем, что нас сближает то обстоятельство, что он писатель и достаточно знает кино (а к этому времени уже был поставлен фильм Ильи Авербаха "Степень риска" по книге Амосова). И потому я готов показать ему два моих последних фильма. Думаю, что это позволит ему принять окончательное решение.

— Ну что же, разумно, — ответил он.

— Когда вы сможете приехать посмотреть фильмы?

— Завтра, — последовал ответ. — В 6 часов, если можно.

Миша радовался как ребенок. И вдруг я с тревогой подумал, что он очень верит в меня. Потому для него главное было получить согласие Николая Михайловича, он не сомневался, что фильм получится хорошим, а может, и замечательным. Главное сделано: получено разрешение.

У меня же было совершенно противоположное ощущение. Я понял, что Амосов дает согласие на съемки фильма, но что потом?! Меня уже терзали сомнения и страхи, я точно знал — в случае провала с этим фильмом мое будущее под вопросом. С Остаховичем мы договорились, что после просмотра он будет ждать нас.

Утром я зашел к Загданскому и все ему рассказал. Он помолчал, затем с кривой усмешкой сказал:

— Это была невеста, которую я любил, но разлюбил. Но если директор

считает, что фильм нужен, ему виднее. — Он пожал плечами.

Ровно в шесть часов приехал Амосов. Был строг, деловит. Сразу прошли в зал. Показал я "Гимнаста" и "Шахтерский характер". Смотрел внимательно, после просмотра сказал коротко:

— Очень достойно.

Я пригласил его к Остаховичу. Борис сердечно его приветствовал, предложил кофе, коньяк. Кроме нас был еще Аликов Юра — зам. главного редактора. Загданский не пришел. Была непринужденная беседа. Амосову было интересно, это был новый для него мир, новые люди, и они ему явно нравились.

Воспользовавшись паузой, я спросил:

— Ну что, Николай Михайлович, будем снимать фильм?

— Ну конечно, загнали меня в угол, — ворчливо произнес он и добавил:

— Давайте попробуем!

* * *

На следующий день, на утренней пятиминутке, Амосов представил меня всем и сказал, в свойственной ему манере:

— Тимур Александровичу разрешено снимать в нашем Институте все, что он посчитает нужным. Прошу всех ему помогать.

Мы начали снимать... Поставили в кабинете две синхронные камеры и методом кинонаблюдения снимали все, что нам казалось интересным.

Камерами я руководил очень просто, на столе передо мной лежала зажигалка. Если я брал ее в правую руку — снимала правая камера, если в левую руку — включалась камера слева, если же я зажимал зажигалку в ладонях — снимали обе камеры.

В первый день, когда Амосов увидел две большие громоздкие камеры, он спросил Марата Радовского, второго оператора, указывая на камеру:

— Это что?

— Камера для синхронных съемок, — ответил Марат.

— А я думал это сварочный аппарат, — усмехнулся Амосов.

Звукооператором был замечательный Игорь Погон. Он еще до съемок установил везде, где было возможно, микрофоны: в настольной лампе, в перекидном календаре, в письменном приборе... В результате каждое слово было записано на хорошем уровне.

На третий день произошло событие, положившее начало фильму.

После операции Николай Михайлович сел за стол и стал разбирать почту. Какое-то чувство внутри меня подтолкнуло, и я взял зажигалку в обе руки. Заработали бесшумно обе камеры.

Прошла минута, потом две, три, я слышал, как напряженно сопят два моих оператора — летит драгоценная пленка и ничего не происходит... Еще минута, и вдруг Амосов начинает заразительно смеяться и, обращая ко мне, говорит:

— Хорошо сказал Скворода: "Душа есть то, что делает человека — человеком, траву — травой, а дерево — деревом. Без нее трава — сено, дерево — дрова, а человек — труп". — И помолчав, добавил: — Это мне больная написала письмо, женщина одна.

Я был счастлив: я понял, что мы сняли финал.

Фильму дали зеленую улицу, две камеры, много пленки (один к двенадцати) самый высокий коэффициент. А главное, огромное счастье — фильм снимался в черно-белом варианте.

Неожиданно, через неделю разразился скандал. Меня вызвал Остахнович и спросил, кто главный оператор?

— Солонин, — ответил я.

— Ты что, с ума сошел, на студии десяток операторов высшей категории, а фильм "Амосов" снимает ассистент оператора! Немедленно заменить.

— Борис Петрович, погоди, зачем же так с плеча? Давай посмотрим материал и решим. Я допускаю, что ты прав, но может, материал тебя убедит?

Я не хотел объяснять директору, что мой выбор был не случаен. Витя Солонин несколько лет работал ассистентом у моего друга, одного из лучших операторов Украины Феликса Гилевича, у него было великолепное чутье и хорошая школа, а главное — он лишен всякого страха, свойственного большому мастеру. Страх ошибиться и снять брак. Виктор, по сути, и снимал на грани брака и потрясающего изображения. Он снял портреты Амосова, которые вошли в историю советского документального кино, по этому фильму учатся операторскому мастерству во ВГИКе.

Посмотрев материал, Остахнович сказал:

— Хорошо, пусть снимает!

* * *

Мы сблизились с Амосовым. В свободные минуты говорили с ним, как он любил повторять "за жизнь". Собственно, больше говорил он, а я старался не пропустить ни слова. Съёмки мне доставляли огромное удовлетворение. Каждый раз меня Амосов поражал своим умением совершенно отвлечься от камеры, словно ее не было, но я видел, что он все время ее чувствует, а иногда слегка иронично подыгрывает нам.

Его безумно интересно было снимать до операции, когда он полностью уходил в себя; затем во время операции, когда он целиком погружался в эту атмосферу игры со смертью, где каждый жест был выверен до микрона, ибо одно неверное движение — смерть. И когда вдруг он на мгновение позволял себе расслабиться, то виртуозно матерился, свирепо глядя на ассистентов, потом снова становился сосредоточенным и точными движениями продолжая оперировать.

Одна камера была поставлена так, что мы не видели открытую рану, но видели все, что происходило над ней: как накалывалась латка и уже обколотая множеством нитей опускалась на нужное место, а зажим, точно колокол, повторял удары сердца. И мы чувствовали, что вот на наших глазах совершается великое таинство исцеления, и еще долго после операции дрожало что-то внутри, чувство восторга переполняло меня, да и не меня одного.

После операции он был расслабленным, но напряжение не уходило, он весь еще был там, возле больного. Именно в один из таких дней мы сняли беседу, которая внутренними монологами вошла в картину и потрясла зрителей правдой и трагизмом.

Как-то в самом начале съемок моя бывшая жена Наташа уехала с нашим сыном Сашей на Азовское море. Там отдыхали наши друзья и хорошо их приняли.

У Саши была скверная носоглотка, и после второй операции на аденоидах врачи посоветовали не мучить ребенка, а отправить на море. Микроклимат Азовского моря благотворно действовал на носоглотку. Уехали они на два месяца. Я жил один.

В это время я уже начинал параллельно работать над сценарием художественного фильма, который собирался ставить в Одессе. Получил я, помнится, за сценарий приличные деньги, и однажды в субботу поехали мы с Витей Солониным по магазинам, накупили множество замечательных коньяков, благо этого добра было много.

Позвонил Амосову, он приехал в гости. Когда я показал ему бар и предложил выбрать коньяк, он сказал удивленно:

— Я не только не пил их, но и не видел так много.

Мы часто встречались у меня. Я познакомил Амосова со своими друзьями — Леней и Светой Рабиновичами. Они прекрасно пели и играли на гитаре. И очень скоро Николай Михайлович полюбил их и часто просил спеть что-нибудь любимое. Он совершенно расслаблялся в такие дни и был удивительно приятным собеседником. Однажды я приготовил телячью вырезку по своему рецепту, на сухой сковородке. Съев изрядный кусок, Николай Михайлович спросил:

— А еще дашь? — и с удовольствием съел второй кусок. — Никогда ничего подобного не ел, — говорил он.

А потом, когда после окончания фильма мы продолжали дружить, он приходил с Лидией Васильевной и она мне тихонько говорила:

— Тимурчик, вы почаще приглашайте нас к себе. Коля, когда поест у вас мясо, потом такой добрый.

* * *

Съемки подошли к концу, и я сел за монтаж. Материала было много. Я смотрел весь материал много раз, и лишь после этого, сделав перерыв на два-три дня, сел за монтаж. Таня Штефанова — мой милый монтажер, работала блестяще, она великолепно знала весь материал и работа шла очень быстро. Вскоре, буквально через 8-9 дней немой вариант фильма был готов.

Работа с композитором Мирославом Скориком заняла лишь несколько дней и свелась к двум фрагментам замечательной пронзительной музыки. На финал фильма мы положили классическую мелодию. Расскажу только о финале, пересказывать фильм бессмысленно.

Последней больной, которую мы отслеживали на протяжении фильма, была девочка лет двенадцати — Люда Косолапова. Я уже знал, что у детей с различной паталогией сердца глаза обычно становятся не по-детски серьезными. В них чувствуется недетское страдание. После операции происходит удивительное: взгляд постепенно вновь становится детским. В финале фильма мы это передали с каждым кадром, Люда Косолапова все больше становится ребенком, а в последнем кадре она смотрит с экрана огромными озорными глазами и улыбается.

Я позвонил Амосову и сказал, что готов показать картину. В самом начале работы мы договорились, что я не буду сдавать фильм, не показав его ему.

— О Господи, другого дня, что ли не было? — чужим голосом сказал он.

— Что-то случилось? — опешил я.

— Ну, что может случиться у хирурга? Больная померла на столе, — измученным голосом сказал он.

— Может, перенесем просмотр?

— Да что толку, у вас ведь тоже есть какие-то сроки...

— Вы заедете обедать? — спросил его я.

— Да какой, к черту, обед! — взорвался он.

— Николай Михайлович, послать за вами машину? — спросил его я.

— Ну, Тимур, ну что ты меня мучаешь? Что, у меня машины нет, что ли? Сейчас приеду.

Он бросил трубку.

— Света, — обратился я к ассистенту, чудной девочке и верному другу. — Коньяк и хорошие бутерброды, и всего побольше.

Он приехал нервный, несчастный, сел в большое кресло в просмотрном зале и исчез в нем.

— Дайте мне бумагу и карандаш. Я ведь не знаю, что вы там снимали, — враждебно проговорил он и затих.

Пятнадцать минут механики не могли зарядить пленку, вернее две пленки — изображение и звук. Я боялся, что Амосов взорвется и уедет. Наконец фильм начался. Где-то на 15-й минуте или позже, в Ленинграде на публичной лекции его спрашивают:

— Николай Михайлович, какие продукты вам позволяют поддерживать такую хорошую форму?

— Икра, товарищи, только икра, — под смех зала отвечает он.

Вдруг Амосов выглянул на меня из своего кресла и сказал:

— Какой я остроумный!

У меня на сердце немного отлегло, и Миша тоже оживился. Был еще момент, когда на лекции его спросили:

— Николай Михайлович, говорят, у вас много врагов?

— Да какие это враги! — небрежно отмахнулся он под хохот и аплодисменты зала.

Кончилась картина, бумага и карандаши валялись под столом. Я встал так, чтобы видеть Амосова. И вдруг поймал себя на том, что передо мной сидит совсем другой человек: серьезный, но счастливый, глаза его лучились.

— Ты знаешь, нехорошо так говорить о фильме, в котором сам снимался, но, по-моему, это замечательное произведение. — И почти без паузы спросил: — Выпить дашь чего-нибудь?

Думаю, что в этот момент я понял, что такое счастье, полное, без всяких оговорок.

Мы сидели за столом, уставленном закусками, пили коньяк, и Амосов с удовольствием вспоминал один эпизод за другим. Он весь светился. Он был счастлив.

Я подумал: какое это потрясающее свойство — вот так переключаться от полного отчаяния к огромной радости. Он все забыл: больную, которая умерла, операцию, институт, он был здесь с нами, он нас любил и вместе с нами радовался картине.

Не хочу и не буду много писать о том, как фильм прокатывался — это утомительно и не интересно. Осталось только в памяти несколько эпизодов, которые дороги и памяты. Спустя год после сдачи фильма, я получил большое письмо от журналиста, живущего в Свердловске. Он писал о том, что главное в жизни его и его жены — это дочь. Они ее безумно любят, и девочка хотела быть врачом, поступила в мединститут, но после полугода учебы разочаровалась в медицине и забрала документы из института. Он писал, что этот день был одним из самых тяжелых в его жизни. Желая успокоить дочь, утешить ее, он отправился с ней в кинотеатр, и надо же, чтобы они совершенно случайно попали на фильм "Николай Амосов". На следующий день девочка отнесла в институт свои документы. "И теперь, — пишет он, — подошла вторая сессия, дочь блестяще сдала ее, а главное — она вновь убеждена, что самая лучшая и гуманная профессия — врач. Можете представить, как мы Вам благодарны за то, что Вы вернули нам дочь. Амосов и Вы — два любимых в нашем доме человека".

У меня, правда, до сих пор большие сомнения в одинаковой ценности Амосова и моей персоны, но их заблуждения мне были приятны.

* * *

В Москве в Доме кино была премьера "Гимнаста", потом "Шахтерского характера" и вот теперь назначена премьера моей третьей картины. Все мои друзья собрались на премьеру. В их числе были и Петр Тодоровский, Марлен Хуциев и Зиновий Гердт. Они смотрели картину раньше на Пленуме Союза кинематографистов по критике. Об этом придется сказать несколько слов.

После сдачи фильма Государственному комитету по кино меня всячески обласкали и сразу в нескольких газетах и журналах вышли однозначно хвалебные статьи. Это были статьи в "Комсомолке", "Литературной газете", в журнале "Искусство кино" и так далее. Но картина на экран не вышла и по телевидению показана не была.

И вот, почти через год, состоялся Пленум, на котором были и партийные секретари, и наш министр Ермаш, бывший тогда заместителем секретаря ЦК по кино Шауро. Фильм показали на Пленуме. Пленум принял фильм восторженно, буквально через два дня фильм был показан по телевидению и вышел в прокат. Какие тайные пружины были приведены в действие и кем, сказать трудно. Но можно предполагать, что зав. отделом ЦК партии Шауро и Ермаш после блестящего приема фильма на Пленуме дали ему "зеленую" улицу.

Итак, я возвращаюсь к премьере. Отметили ее замечательно, был друг Амосова — Юлий Березов (он снимался в фильме), Ирина Курдина и муж ее, Сережа, мой близкий друг, жены наших друзей.

В разгар тоста Марлена ко мне наклонился Амосов и шепнул:

— Хорошо говорит, но мало новой информации.

Но вскоре вернулся из театра отлучавшийся на свой выход Зиновий Гердт и вновь заняв место за столом, блистал в роли тамады, покоровив всех ярким юмором и фейерверком шуток. Это был один из лучших вечеров в моей жизни.

И последнее, по поводу фильма "Николай Амосов". Как-то меня вызвал Остахнович и просил срочно выехать в Москву. Сказал, что звонили из Госкино, но, видимо, по просьбе сверху, чтобы я срочно привез картину в Москву. Этим же

вечером я приехал к поезду, в купе СВ меня уже ждал билет и лежала картина.

— Вас будут встречать, — лаконично сообщил администратор.

В Москве я был действительно встречен неким весьма вежливым товарищем в очках, который отвез меня в гостиницу. Гостиница оказалась очень уютной и удобной. Мой встречающий отвел меня на завтрак в ресторан, там же в гостинице, и сказал, что пообедать я смогу здесь же в любое время, с 2 до 5, а в 6 вечера он за мной заедет.

До этого времени я совершенно свободен?

— Да, — он вернулся. — Пожалуйста, ни за что платить не нужно, все уже оплачено, — и он исчез окончательно.

"Видимо, в стране развитого социализма я попал в тот небольшой уголок, который называется коммунизмом", — подумал я.

Я как-то провел время до 6 вечера, а затем мы с моим знакомым (он оказался всего-навсего доктором физических наук, это я выяснил за роскошным ужином в ресторане) приехали в учреждение, именуемое Институтом Курчатова. Пройдя несколькими коридорами, двери которых неназойливо охранялись ребятами в удивительно похожих костюмах, мы оказались в большом, строгом и весьма солидном просмотровом зале мест на 500, в центре которого расположились человек 14-15 почтенной внешности мужчин. Мы подошли к этой группе, мой спутник меня представил, после чего отвел в конец зала и усадил за пульт прямой связи с киномеханиками. Тотчас раздался вопрос.

— Разрешите начинать?

— Начинайте, — подавленно разрешил я.

Аппаратура, надо сказать, вряд ли была хуже той, что в Госкино, но естественно, почти не изношенной, потому звук и изображение были отличными.

Я поймал себя на том, что сам с удовольствием смотрю картину в столь идеальных условиях. После окончания картины меня пригласили пройти в зал и присоединиться к сидящим. Честно говоря, уже немного разбалованный вниманием больших залов, я был несколько раздосадован тем, что приходится общаться с такой мизерной группой людей, но уже через полчаса я обо всем забыл, очарованный вниманием и неподдельным интересом этих людей к моей персоне. Они не просто интересовались фильмом "Почему я задумал так?", "Отчего мне пришло в голову снимать операцию именно с этой точки?", "Понимаю ли я, насколько эмоционально верно выстроена картина, если она так волнует?", "Как я до этого сумел додуматься?", "А расскажите подробнее о Николае Михайловиче!" И опять вопросы, вопросы.

Около полутора часов я провел с ними к тому времени, когда они все встали и по очереди пожимая мне руку, ласково с улыбкой глядя мне в глаза. Я уже любил их так, словно знал много лет.

— Им нельзя ни с кем общаться, у них точно очерчен круг людей, с которыми общение необходимо. Они работают над сверхсекретными проектами. В остальном — такие же живые люди, вы для них словно глоток свежего воздуха, не вполне понятный, но невероятно интересный человек, потому они так любопытствовали, — объяснил мне мой физик.

Нужно ли было мне в ответ объяснять, что они так же интересны были мне?

* * *

Однажды, снимая трехсерийную картину "Где ты был, Одиссей", я решил показать моим актерам картину об Амосове. Снимались у меня чудные актеры и среди них Анатолий Ромашин и Донатас Банионис. После просмотра Ромашин в полном восторге от фильма наговорил мне кучу комплиментов и, в частности, откровенно сказал:

— То, что мы с тобой делаем в игровом кино, не стоит одного кадра из "Николая Амосова".

Я вынужден был с ним согласиться. Донатас молча ушел. Я не стал его расспрашивать, но через два дня в одном из перерывов он вдруг сам заговорил о фильме. Я понял по разговору, что фильм произвел на него сильнейшее впечатление, когда он вдруг сказал:

— Ты знаешь, ведь никакой актер, даже гений, не смог бы так сыграть личность Амосова. Это невозможно!

Прошло время, по предварительной договоренности Донатас уехал — ему необходимо было ехать в Москву на сессию Верховного Совета. Приехав, он рассказал:

— Представляешь, сажусь в зале заседаний, и вижу рядом со мной сидит Амосов. Я набрался наглости и говорю ему: "Николай Михайлович, я такой-то, такой-то, а у нас с вами есть общий друг Тимур Золоев". Он обрадовался, после заседания мы пошли в гостиницу "Россия" вместе. Утром я спустился вниз купить газеты и в одном из иностранных журналов обнаружил цветок, в каждом лепестке которого был портрет. Шесть или семь лепестков с надписью: "Самые знаменитые люди Советского Союза", а среди портретов — мой портрет и Амосова. Я купил несколько журналов и позвонил Амосову, зашел к нему и попросил подписать мне журнал. Он подписал и попросил ему тоже дать автограф. Конечно, я был счастлив и сказал ему об этом. По-моему, ему было приятно...

...В этот период мы с Амосовым решили писать сценарий по рукописи, написанной им о войне и посвященной будням полевого госпиталя. Амосов отдал мне экземпляр рукописи в шестьсот с лишним страниц, и когда я прочел ее, я был поражен жестокой правдой, изложенной в рукописи. Изю дня в день описывалась изнанка войны — никакого героизма, только страдания и великое терпение солдата, способного вынести любые муки достойно.

Сама по себе это была огромная по объему работа: из рукописи почти в 700 страниц написать сценарий на семь-десять-восемьдесят страниц, вычленив из рукописи самое интересное, не потеряв при этом аромата документального повествования и сохранив при этом массу интереснейших эпизодов. Больше года я писал и переписывал сценарий, каждый вариант отдавал на суд Николаю Михайловичу и вновь, получив его замечания, погружался в работу.

Отчего я за это взялся? Однажды я подумал: что дальше? И представил себе череду средних фильмов, ничего не дающих ни мне, ни зрителю. И тогда пришло решение поставить все на сценарий по повести Амосова. Единжды он уже принес мне удачу, может, повезет еще раз.

* * *

Это совпало еще с одним обстоятельством, чисто личного порядка. В конце

концов мне надоели мои бесконечные романы и я увлекся (в 45 лет) двадцатилетней девушкой, поступившей на студию реквизитором в одну из картин. Вскоре мы стали с ней встречаться, но так, чтобы никто на студии об этом не знал. Обычно я выезжал со студии и ждал Раю, так звали девушку, в машине, а потом мы куда-нибудь уезжали. Через какое-то время мы уже не скрывали наших отношений, а вскоре мне пришлось просить Збандута, с которым я был в дружеских отношениях, перевести Раю в другую группу — в ее группе директриса страшно Раю невзлюбила и не очень это скрывала. Збандут взял ее к себе референтом.

Уже через три месяца он признался мне:

— Ты знаешь, не представляю теперь, как я без нее работал...

И действительно, Рая — аккуратная, внимательная, навела порядок в бумагах Збандута. Она готовила все совещания при директоре, заранее предупреждая начальников цехов и отделов о возможных производственных бурях и катастрофах, за что они платили ей верной любовью. Словом, я уже спокойно жил, зная, что никто ее не обидит и не заденет. Вместе с тем я понимал, что при огромной разнице в возрасте в двадцать пять лет жениться — это тоже верх легкомыслия. Я был в легкой растерянности. Все решилось само собой.

Однажды в Одессу с лекциями приехал Николай Михайлович Амосов. Мы поехали за ним в гостиницу и привезли к нам. Рая приготовила обед, они с Николаем Михайловичем выпили немного и развеселились, было видно, что они понравились друг другу. Именно тогда я вспомнил фразу Раи, сказанную ею, когда мы были уже очень близки.

— Ты знаешь, когда мы с мамой смотрели в кинотеатре картину "Николай Амосов", я и в фантастическом сне не могла представить, что когда-то мы будем вместе.

По дороге в гостиницу Амосов был задумчив и вдруг сказал:

— Ты знаешь, по-моему, Рая — замечательная девочка, ты подумай, мне кажется, она тебя любит. Непусти свой шанс.

Прощались мы поздно вечером в аэропорту. Амосов улетел очарованный Раей окончательно. Прошло много лет. Николай Михайлович неизменно был привязан к Рае и был очень рад, когда мы поженились и у нас родилась дочь.

* * *

...После фильма "Николай Амосов" я должен был, я не мог не сделать что-либо такое же значительное либо еще на ступеньку выше.

Теперь, рассуждая здраво, я понимаю, что это было невысказано в то время. "Николай Амосов" — было яркое явление в кинематографе и в силу выдающейся личности Амосова, бывшей тогда на вершине своей славы. Это была выдающаяся операторская работа, обнажившая самые скрытые черты Амосова. Его портреты не могут не удивлять глубиной и поразительным проникновением в самую суть великого хирурга и философа. И все это снял оператор, еще не будучи оператором, снял, движимый каким-то сверхъестественным чутьем художника. Имя его — Виктор Солонин, столь рано ушедший из жизни...

...Амосов, с которым я постоянно поддерживал отношения, был в раздумьях — его приглашали непременно баллотироваться в Верховный Совет СССР, но мне

кажется, что у него уже тогда были некие сомнения в доброкачественности грядущих перемен. Но, в конце концов, его уговорили и он стал готовиться к выборам...

...Мне довелось сделать в своей "Киноvideостудии" еще одну картину об Амосове. Назвал я ее "Двадцать лет спустя", ибо она снималась ровно через двадцать лет после "Николая Амосова". По поводу названия Амосов часто шутил:

— Зря ты так назвал картину. Вот у Дюма ничего путного не вышло из одноименной книжки.

Переживал по-настоящему, как получится картина. Отчего я решился снять об Амосове фильм? Изменились обстоятельства, резко переменилась жизнь, и он не только не отстал от нее, но шел, скорее опережая время и точно зная, что будет дальше, а стало быть и фильм должен быть на уровне самых современных идей. Понимая, что, потеряв в новизне и оригинальности темы, информационно я сделаю любопытную картину.

Он к этому времени уже стал депутатом Верховного Совета СССР и был, как и все, увлечен перестройкой, но намного раньше многих все понял. Однажды, вернувшись из Москвы с сессии Верховного Совета, сказал мне с удивлением:

— Ты представляешь, Горбачев верит в социализм.

...Картина получилась, хотя, конечно, в ней не было, как в первой картине, элемента потрясающего открытия, чего-то абсолютно нового, новой идеи и нового человека.

Случилось так (у меня это часто бывало в жизни), что в день окончания съемок Амосов решил сказать о своем уходе из хирургии. Меня он, к счастью, предупредил за неделю, но больше об этом никто не знал. Это произошло на пятиминутке.

Он объяснил, почему уходит:

— Когда-то мне пересказал Симонов, мы с ним были немного знакомы, — с грустью произнес Амосов, — слова писателя Хемингуэя: "Так как я хочу жить, — я уже не могу, а так, как могу, — не хочу".

Это был очень грустный финал фильма. Грустным он был и в жизни, когда мужчины, суровые хирурги, прошедшие все, плакали, как дети, а о женщинах и писать не буду. Только тогда все поняли, кем был Амосов для Института...

Из воспоминаний конца девяностых...

Помню одну историю, повергшую меня в шок. Я снимал для пилотного тележурнала Николая Михайловича Амосова. В это время в его кабинет вошла девица, из тех, кого остроумно, но зло Жванецкий назвал: такая, знаете, "средства массовой информации". Так вот, эта "средства" долго нас разглядывала. Я и Николай Михайлович беседовали, сидя за столом. Приехавшая снимать известного ученого девица обратилась к Андрею Оноприенко с вопросом:

— Который из них Амосов?

Уровень-то какой! Вот такие работнички были на "Интер"...

Мне кажется, за всю жизнь я не встретил более прямого человека, чем Амосов. Как-то ему заказали статью для газеты "Неделя". Он написал "Как лечить медицину". "Но это невозможно напечатать!" — сказали ему и попытались уговорить на переделку. Он ни в какую. Статью забрал и... прочитал ее с трибуны

Верховного Совета СССР. "Я всегда жду, что меня прихлопнут", — говорил Николай Михайлович. Но не боялся смерти...

...Летом 2003 года, сняв фильм о замечательной певице Клавдии Ивановне Шульженко, я неожиданно стал сдавать. Забарахлило сердце. Пришлось обратиться к врачам. Это довольно долгая и скучная история, которая закончилась тем, что я оказался в Институте сердечно-сосудистой хирургии имени Николая Михайловича Амосова.

Палата номер десять, в которой я лежал, ожидая дня операции, находилась в нескольких десятках шагов от кабинета Амосова в старом корпусе. Именно там я снял свой первый о нем фильм. И вновь судьба пошутила со мной, заставив пройти тот путь мук и страданий, который был уготован пациентам Амосова...

В последнюю ночь перед операцией, несмотря на уколы, я долго не спал. Почему-то я вспомнил наш разговор с Амосовым, который произошел за год до его ухода из жизни. Мы заговорили о болезнях и смерти, и Амосов сказал:

— А ты знаешь, умирать ведь не страшно. Бог так милосерден, что готовит человека к мысли о смерти, ее неизбежности. И к моменту, когда он должен уходить, он спокоен и готов к ней.

Потом Амосов задумался, а затем сказал:

— Ты знаешь, я ведь не помню больных, которых оперировал, и они уходили со словами благодарности, но хорошо помню всех, кого зарезал на операции, — он помолчал и добавил подавленно, — даже голоса их помню.

Я подумал тогда: сколько боли и страданий пришлось вынести ему за те годы работы хирургом! Он ведь всегда брался за самые сложные операции, никогда не зная об их исходе...

Эти слова я вспоминал, когда сам решился на шунтирование. Накануне операции зашел в кабинет, где мы снимали Николая Михайловича. А отправляясь в операционную, поставил тапочки, как он советовал, — носками к кровати. Чтобы вернуться...

2005-2014 гг.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015